

Судьба-шлюха

Фаина Раневская

Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо - не хочется. Хорошо - неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке.

Все бранят меня за то, что я порвала книгу воспоминаний. Почему я так поступила?

Кто-то сказал, кажется, Стендаль: "Если у человека есть сердце, он не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза". И это решило судьбу книги. Когда она усыпала пол моей комнаты, - листья бумаги валялись обратной стороной, т. е. белым, и было похоже, что это мертвые птицы.

"Воспоминания" - невольная сплетня. ...Писать должны писатели, а актерам положено играть на театре.

...Наверное, зря порвала все, что составило бы книгу, о которой просило ВТО. И аванс надо теперь возвращать 2т. Бог с ними, с деньгами, соберу, отдам аванс, а почему уничтожила? Скромность или же сатанинская гордыня? Нет, тут что-то другое. ...Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных.

Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала? Пропищала, и только.

Кто, кроме моей Паулы Леонтьевны, хотел мне добра в театре? Кто мучился, когда я сидела без работы? Никому я не была нужна. Охлопков, Завадский, Алекс. Дмитр. Попов были снисходительны, Завадский ненавидел. Я бегала из театра в театр, искала, не находила. И это все. Личная жизнь тоже не состоялась. ...В театре Завадского заживо гнию.

Иногда приходит в голову что-то неглупое, но и тут же забывает это неглупое. Умное давно не посещает мои мозги.

...В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль за спасение утопающих... У дворника на пиджаке медаль, мне очень она нравится, я хочу такую же, но медаль дают за храбрость - объясняет дворник... Теперь медали, ордена держу в коробке, где нацарапала: "Похоронные принадлежности".

Актрисой себя почувствовала в пятилетнем возрасте. Умер маленький братик, я ждала его, день плакала. И все-таки отодвинула занавеску на зеркале - посмотреть, какая я в слезах.

Всегда завидовала таланту: началось это с детства. Приходил в гости к старшей сестре гимназист - читал ей стихи, флиртовал, читал наизусть. Чтение повергало меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломая руки. Стихи назывались "Белое покрывало". Кончалось чтение словами: "...так могла солгать

лишь мать". Гимназист зарыдал, я была в экстазе.

В городе, где я родилась, было множество меломанов. Знакомые мне присяжные поверенные собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих классиков.

В детстве я увидела фильм, изображали сцену из "Ромео и Джульетты". Мне было 12. По лестнице взбирался на балкон юноша неопишимо красивый, потом появилась девушка неопишимо красивая, они поцеловались, от восхищения я плакала, это было потрясение... Я в экстазе, хорошо помню мое волнение. Схватила копилку в виде большой свиньи, набитую мелкими деньгами (плата за рыбий жир). Свинью разбиваю. Я в неистовстве мне надо совершить что-то большое, необычное. По полу запрыгали монеты, которые я отдала соседским детям: "Берите, берите, мне ничего не нужно..." И сейчас мне тоже ничего не нужно - мне 80. Даже духи из Парижа, мне их прислали - подарки друзей. Теперь перебираю в уме, кому бы их подарить...

Много я получала приглашений на свидания. Первое, в ранней молодости, было неудачным. Гимназист поразил меня фуражкой, где над козырьком был великолепный герб гимназии, а туля по бокам была опущена и лежала на ушах. Это великолепие сводило меня с ума.

В театральную школу принята не была - по неспособности.

Воспитательная Гельцер устроила меня на выходные роли в летний маляховский театр. Представляла меня антрепризе театра, Екатерина Васильевна сказала: "Знакомьтесь, это моя закадычная подруга Фанни из периферии".

Гельцер неповторима и в жизни, и на сцене. Я обожала ее. Видела все, что она танцевала. Такого темперамента не было ни у одной другой балерины. Гельцер - чудо!

Первым учителем был Художественный театр. В те годы Первой мировой войны жила я в Москве и смотрела по несколько раз все спектакли, шедшие в то время.

Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: "Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея..." После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публице смех, партнер, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

Крым. Сезон в крымском городском театре. Голод. "Военный коммунизм". Гражданская война. Власти ме-

нялись буквально поминутно. Было много такого страшного, чего нельзя забыть до смертного часа и о чем писать не хочется. А если не сказать всего, значит, не сказать ничего. Потому и порвала книгу.

В Крыму, когда менялись власти почти ежедневно, с мешком на плечах появился знакомый член Государственной думы Радаков. Сказал, что продал имение и что деньги в мешке, но они уже не годны ни на что, кроме как на растопку.

В Крыму в те годы был ад. Шла в театр, стараясь не наступить на умерших от голода. Жили в монастырской келье, сам монастырь опустел, вымер - от тифа, от голода, от холеры. Сейчас нет в живых никого, с кем тогда в Крыму мучились голодом, холодом, при копилке.

В самые суровые, голодные годы "военного коммунизма" в числе нескольких других актеров меня пригласила слушать пьесу к себе домой какая-то дама. Шатаюсь от голода, в надежде на возможность выпить сладкого чая в гостях, я притащилась слушать пьесу. Странно было видеть в ту пору толстенькую, кругленькую женщину, которая объявила, что после чтения пьесы будет чай с пирогом. Пьеса оказалась в пяти актах. В ней говорилось о Христе, который ребенком гулял в Гефсиманском саду. В комнате пахло печеным хлебом, это сводило с ума. Я люто ненавидела авторшу, которая очень подробно, с длинными ремарками описывала времяпрепровождение младенца Христа. Толстая авторша во время чтения рыдала и плакала вальерьянку. А мы все, не дожидаясь конца чтения, просили сделать перерыв в надежде, что в перерыве угостят пирогом. Не дослушав пьесу, мы рванули туда, где пахло печеным хлебом. Дама продолжала рыдать и сморкаться во время чаепития. Впоследствии это дало мне повод сыграть рыдающую сочинительницу в инсценировке рассказа Чехова "Драма". Пирог оказался с морковью. Это самая неподходящая начинка для пирога. Было обидно. Хотелось плакать.

Не подумайте, что я тогда исповедовала революционные убеждения. Боже упаси. Просто я была из тех восторженных девиц, которые на вечерах с побледневшими лицами декламировали горьковского "Буревестника", и любила повторять слова нашего земляка Чехова, что наступит время, когда придет иная жизнь, красивая, и люди в ней тоже будут красивыми. И тогда мы думали, что эта красивая жизнь наступит уже завтра.

Вспомнилась встреча с Максимилианом Волошиным, о котором я читала в газете, где говорилось, что прошло сто лет со дня его рождения. Было это в Крыму, в голодные трудные годы

времен Гражданской войны и "военного коммунизма". В те годы я уже была актрисой, жила в семье приютившей меня учительницы моей и друга, прекрасной актрисы и человека Паулы Леонтьевны Вульф.

Я не уверена в том, что все мы жили бы (а было нас четверо), если бы о нас не заботился Макс Волошин. С утра он появлялся с рюкзаком за спиной. В рюкзаке находились завернутые в газету маленькие рыбешки, называемые камсой. Был там и хлеб, если это месиво можно было назвать хлебом. Была и бутылочка с касторовым маслом, с трудом раздобытая, им в аптеке. Рыбешек жарили в касторке. Это издавало такой страшный запах, что я, теряя сознание от голода, все же бежала от этих касторовых рыбок в соседний двор. Помню, как он огорчался этим. И искал новые возможности меня покормить.

Иду в театр, держусь за стены домов, ноги ватные, мучает голод. В театре митинг, выступает Землячка; виде-ла, как бежали белые, почему-то на возах и пролетках торчали среди тюков граммофон, трубы, женщины кричали, дети кричали, мальчики юнкера пели: "Ой, ой, ой, мальчики, ой, ой, ой, бедные, погибли все и навсегда!" Прохожие плакали. Потом опять были красные и опять белые. Покамест не был взят Перекок. Бывший дворняжеский театр, в котором мы работали, был переименован в "Первый советский театр в Крыму".

О Волошине. Среди худущих, изголодавшихся его толстое тело потрясло граждан, а было у него, видимо, что-то вроде слоновьей болезни. Я не встречала человека его знаний, его ума, какой-то нездешней доброты. Улыбка у него была какая-то виноватая, всегда хотелось ему кому-то помочь. В этом полном теле было нежнейшее сердце, добрейшая душа. Однажды, когда Волошин был у нас, началась стрельба. Оружейная и пулеметная. Мы с Павлой Леонтьевной упростили его не уходить, остаться у нас. Уступили ему комнату. Утром он принес нам эти стихи - "Красная пасха".

КРАСНАЯ ПАСХА

Зимой вдоль дорог валялись трупы Людей и лошадей. И стаи псов Вьедались им в живот и рвали мясо. Восточный ветер выл в разбитых окнах. А по ночам стучали пулеметы, Свистя, как бич, по мясу обнаженных Закопченных тел. Весна пришла Зловещая, голодная, больная. Из скатых чресл рождались недоноски Безруккие, безглазые... Не грязь, А скуривица поползла по скатам. Под тальым снегом обнажились кости. Подснежники мерцали точно свечи. Фиалки пахли гнилью. Ландыш - тленьем.

Стволы деревьев, обглоданных конями Голодными, торчали непристойно, Как ноги трупов. Листья и трава Казались красными. А зелень злаков Была опалена огнем и гноем. Лицо природы искажалось гневом И ужасом.

А души вырванных Насильственно из жизни вились в ветре, Носились по дорогам в пыльных вихрях, Безумили живых могильным хмелем Неизжитых страстей, неутоленной жизни, Плодили мщенье, панику, заразу... Зима в тот год была Страстной неделей, И красный май спелся с кровавой Пасхой, Но в ту весну Христос не воскресал.

Симферополь 21 апреля 1921 г.

...Сейчас смотрела Качалова в кино. Барон. Это чудо как хорошо. Это совершенство! Я шла домой и думала: ...что сделала я за 30 лет? Что сделала такого, за что мне не было бы стыдно перед своей совестью? Ничего. У меня был талант, и ум, и сердце. Где все это?

...Я познакомилась с Ахматовой очень давно. Я тогда жила в Таганроге. Прочла ее стихи и поехала в Петербург. Открыла мне сама Анна Андреевна. Я, кажется, сказала: "Вы мой поэт", - извинилась за нахальство. Она пригласила меня в комнаты - дарила меня дружбой до конца своих дней.

...Я никогда не обращалась к ней на "ты". Мы много лет дружили, но я просто не могла бы обратиться к ней так фамильярно.

Она была великой во всем. Я видела ее кроткой, нежной, заботливой. И это в то время, когда ее терзали.

...Проклинаю себя за то, что не записывала за ней все, что от нее слышала, что узнала! А какая она была труженица: и корейцев переводила, и Пушкиным занималась...

...Анна Андреевна была бездомной, как собака.

...В первый раз, придя к ней в Ташкенте, я застала ее сидящей на кровати. В комнате было холодно, на стене следы сырости. Была глубокая осень, от меня пахло вином.

- Я буду вашей madame de Lamballe, пока мне не отрубили голову - истоплю вам печку.

- У меня нет дров, - сказала она веле.

- И их украду.

- Если вам это удастся - будет мило. Большой каменный саксаул не влезал в печку, я стала просить на улице незнакомых людей разрубить эту глыбу. Нашелся добрый человек, столяр или плотник, у него за спиной висел ящик с топором и молотком. Пришлось сознаться, что за работу мне нечем платить. "А мне и не надо денег, вам будет тепло, и я рад за вас буду, а деньги что? Деньги это еще не все".